

Н. Н. Алеврас

**С. М. СОЛОВЬЕВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1840-х гг.***

doi: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-115-123

УДК94(47)1845/1847"

ББК 63.3(2)47

В статье автор фокусирует внимание на научной активности С. М. Соловьева в период защит диссертаций (1845–1847), не только ставших основой его научной биографии, но и внесших вклад в развитие исторического знания. Фигура историка рассматривается как знаковая и в истории становления диссертационной системы/культуры в российских университетах. Соловьев выступил активистом в этом новом локусе университетского пространства. Одухотворенный философскими идеями Г. В. Ф. Гегеля, опытом переосмысления древнерусской истории И. Ф. Г. Эверса, он в диссертациях впервые сформулировал инновационные концептуальные идеи относительно особенностей развития и смыслового содержания русского исторического процесса. В них же он презентовал свою систему методологических принципов исследовательской практики. Стремительное завоевание им историко-научного олимпа стало логическим завершением одного из этапов в развитии историографии конца 1810-х — начала 1840-х гг., связанного как с известной полемикой вокруг «Истории» Н. М. Карамзина, так и с феноменом академического авторитаризма. Для молодого Соловьева предлагавшиеся мэтрами-предшественниками (М. П. Погодиным, Н. Г. Устряловым) методологические и концептуальные рамки осмысления особенностей русской истории оказались тесны и неприемлемы. Соловьев 1840-х гг. предстает как ученый-реформатор, устремленный к пересмотру идей, принципов и методов в сфере изучения русской истории.

Ключевые слова: *диссертационная культура, диссертационный диспут, диссертация, история историографии, Московский университет, кафедра русской истории, концепция и методология С. М. Соловьева*

*Диссертации историка как трамплин
в большую науку*

Имя С. М. Соловьева (1820–1879) прочно вошло в анналы историографии как ученого, с исследований которого начался процесс профессионализации исторического знания. Длительное время в науке XX в. диссертации историка как объекты специального внимания практически не рассматривались. В современном историографическом опыте, который мы отсчитываем с рубежа XX–XXI вв., большое внимание стало уделяться факту создания Соловьевым диссертаций. Обычно отмечается их значение как первых научных произведений, в которых он апробировал свою идею эволюции родовых отношений в государственные.¹

¹ См., напр.: Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX в.: Московский и Петербург-

*Алеврас Наталия Николаевна — д.и.н., Челябинский государственный университет (г. Челябинск)
E-mail: vhist@mail.ru*

* Статья подготовлена при поддержке Фонда перспективных научных исследований (ФПНИ) Челябинского государственного университета, приказ от 04.02.2020 № 70-1, тема гранта «Модель российской диссертационной системы: исторический опыт формирования»

Переиздание в «Сочинениях» историка текста его докторской диссертации² также является историографическим маркером, актуализирующим аспекты, связанные с диссертационными исследованиями раннего Соловьева. Можно только сожалеть, что не была переиздана его магистерская диссертация. В то же время некоторые попытки обратиться к анализу его диссертаций не вышли за пределы их реферативного пересказа.³

Обе диссертации молодого Соловьева создавались в ситуации его конфликта с ведущим историком Московского университета М. П. Погодиным, который к середине 1840-х гг. собирался покинуть университетскую кафедру. Их взаимоотношения, которые могут быть охарактеризованы как казус «перерастания»

ский университеты. М., 2003. С. 42–50; Он же. Архивный труженик С. М. Соловьев // Археографический ежегодник за 1995 г. М., 1997. С. 301, 302; Маловичко С. И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории долгого Десятилетия // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 107.

² Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома // Соч. М., 1996. Кн. 19: Дополнительная. Работы разных лет. С. 6–338.

³ См.: Бедретдинова Л. Н. Начальный период научной деятельности С. М. Соловьева: 40–50-е гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 36–99.

учеником своего учителя, подробно обрисованы в «Моих записках» историка.⁴ Вместе с тем Соловьев получал мощную поддержку от своего патрона, попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова. Историк в эти годы стремился обрести свое место в научной среде либеральной ориентации — «западной партии» Московского университета. Признание Соловьева своим в ее составе выразилось в оппонировании его магистерской диссертации Т. Н. Грановским. Ситуация реформирования научной аттестации в российских университетах 1830–1840-х гг. стала еще одним слагаемым, стимулировавшим научную активность Соловьева.

Базовые принципы университетского устава 1835 г.⁵ и утвержденного на его основе Положения об ученых степенях (1844), содействовали росту мотивации научной молодежи к защита диссертаций. Опуская анализ названных нормативных актов,⁶ подчеркнем факт укрепления в университетской среде понимания того, что защита диссертации становилась условием карьерного движения и научной легитимации университетского ученого. Имеющаяся статистика защит диссертаций по историческим наукам фиксирует их заметный рост. Сравним: в период 1810–1830-х гг. во всех российских университетах было защищено 27 диссертаций; в 1840–1850-е гг. — 60 диссертаций.⁷ Полагаем, что именно в эти десятилетия укореняются традиции создания и защит диссертаций. Это закладывало основу интенсивного формирования научного сообщества ученых-историков. Соловьев в данных процессах становится одной из значимых фигур.

Особую активность на поприще написания диссертационных работ в эти годы продемонстрировали представители историко-филологического отделения философского факультета (с 1850 г. — историко-филологического факультета) Московского университета. Сразу после утверждения Положения об ученых степенях 1844 г. в университете началась череда

диссертационных диспутов. В феврале 1845 г. состоялся магистерский диспут 32-летнего Грановского, признанного главы московских историков, возглавлявшего уже кафедру всеобщей истории. Его «догонял» 25-летний Соловьев, защитивший магистерскую диссертацию по русской истории в октябре этого же года. Заметим, что его магистерская защита была всего-навсего восьмой из общего списка московских диссертантов XIX в. Молодость Соловьева на момент защиты не была исключением: получение магистерской степени в возрастной категории 20–25-летних было распространенной практикой. В 1840-х гг. доля представителей этой группы по всем университетам составила 45,8 %.⁸

В результате диссертационных диспутов историко-филологическое отделение обрело двух лидеров, представлявших основные исторические специальности. Защита магистерской диссертации принесла Соловьеву должность адъюнкта, что стало основанием для того, чтобы он занял кафедру русской истории и одновременно вошел в ближайшее окружение Грановского, которого он со студенческих лет высоко ценил. Сближение с Грановским не было случайным: Соловьев формировался как ученый и личность умеренно-либеральной ориентации. Политические убеждения своего старшего коллеги и друга он воспринимал как очень умеренные, а потому близкие ему.⁹

Для Соловьева защита следующей — докторской — диссертации (1847), которую он создавал в кратчайшие сроки, имела принципиальное значение: докторство окончательно утверждало его статус главы кафедры русской истории. Но создание и защиты обеих диссертаций имели значение не только для персональной карьеры и научной судьбы историка. Диссертации предложили сообществу ученых новую парадигму русской истории как дисциплинарной отрасли, содействовали процессам профессионализации исторического знания. Значим и опыт оппонирования диссертаций Соловьева: оценки его экспертов стали не только первой ступенькой признания взглядов историка, но одновременно началом выработки системы критериев для оценивания диссертаций как вида исследований особого статуса.

Создавая диссертации, Соловьев стремился выработать строгость в научном подходе

⁴ См.: Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Избр. тр. Записки. М., 1983. С. 286–290, 305.

⁵ Устав 1835 г. вводил норму (76 ст.) обязательности докторской степени для лиц, возглавлявших университетские кафедры. Карьера Соловьева в должности профессора кафедры русской истории определялась нормами этого устава.

⁶ См. подробнее: Алеврас Н. Н. Статус диссертации и нормативные основы оппонирования в российском законодательстве XIX в. // Вест. Перм. ун-та. История. 2017. Вып. 3 (38). С. 37–47.

⁷ Подсчитано на основе «Базы данных о диссертациях и диссертантах дореволюционных университетов. 1810–1919 гг.», разработанной творческим коллективом историографов ЧелГУ.

⁸ Подсчитано на основе «Базы данных...».

⁹ См.: Соловьев С. М. Мои записки... С. 298.

за счет отказа от присущей многим его предшественникам и современникам иллюстративности и немотивированной избирательности в обращении с фактами русской истории. Развитие современной ему археографической практики во многом стало основой и целеполагающей установкой для выработки принципа опоры в исследовательской деятельности историка на всю полноту источников, имеющих отношение к изучению актуальной проблематики. Своим общим идеям, рожденным под влиянием философской системы Гегеля и методологических принципов Эверса, Соловьев подчинил процедуры структурирования и анализа выявленного им информационного ресурса. В результате он продемонстрировал возможности концептуально-теоретической огранки исследовательского текста. Инновации Соловьева служили для современников сигналом о необходимости создания исторической наукой своего методологического инструментария.

Фигура молодого Соловьева в ситуации становления российской диссертационной системы представляет собой ученого с высоким лидерским потенциалом, четко осознававшего потребности современной ему науки, чувствовавшего в себе способности вырабатывать новое научное знание и сумевшего реализовать свой научный потенциал, закладывая перспективы развития исторической науки.

В 1840–1850-е гг. он становится активистом диссертационных диспутов. Еще до своей докторской защиты, но в том же 1847 г. Соловьев принял участие в полемике на магистерском диспуте К. С. Аксакова, выступая оппонентом «из публики» с критикой презентуемой диссертации.¹⁰ В 1849 г. он стал первым официальным оппонентом на защите докторской диссертации Т. Н. Грановского. Взаимными оппонированиями двух ведущих московских историков укреплялись дружеский стиль их отношений и взаимное уважение.

В течение последующих лет Соловьев демонстрировал высокую оппонентскую активность на защитах П. Н. Кудрявцева (1850), П. Е. Медовикова (1854), С. В. Ешевского (1855), Д. И. Иловайского (1859). В 1860-е гг. он выступает на защитах Г. Ф. Карпова (1867), В. И. Герье (1868), Н. А. Попова (1869). Последние известные оппонирования историка

состоялись в 1870 г. на докторском диспуте Д. И. Иловайского и в 1872 г. на магистерском диспуте своего ученика В. О. Ключевского.

Магистерский диспут С. М. Соловьева

Основным источником сведений о ходе и результатах диссертационных диспутов являются протоколы, однако их сохранность применительно к первой половине XIX в. носит фрагментарный характер. В частности, протокол защиты магистерской диссертации Соловьёва не удалось обнаружить. Тем не менее ход этого диспута и характер оппонирования можно представить на основе впечатлений самого соискателя, зафиксированных в «Моих записках» историка. Они позволяют воспроизвести процесс работы Соловьева над первой диссертацией, сложную для него ситуацию сдачи магистерских экзаменов, когда экзаменаторы — с одной стороны, «западники», считавшие его последователем Погодина, с другой — Погодин со специфической славянофильской ориентацией — в силу разных причин остались не удовлетворенными его ответами.¹¹

Но неудачно пройденный им этап магистерских испытаний не воспринимался Соловьевым как факт, осложнявший защиту диссертации. Он считал магистерский экзамен менее важным в сравнении с главной научной аттестацией — диссертационным диспутом. Характерна его мемуарная запись: «Я начал готовиться к экзамену, т. е. стал писать диссертацию». Объясняя С. Г. Строганову причины своих экзаменационных перипетий, Соловьев пояснял, что, выдвигая для себя работу над диссертацией как ведущую цель, именно ее защиту он рассматривал как наиболее ответственную задачу. В ситуации предполагаемой передачи ему кафедры русской истории он подчеркивал, что именно диссертация «должна показать... права на кафедру пред всею ученою Россиею».¹²

Культурная идентификация автора диссертации в кругу «западной партии» состоялась только к моменту защиты, когда К. Д. Кавелин, прочтя ее, «воспыхнул от радости», оценив ее содержание, убедившись в оригинальности научных идей и в отсутствии славянофильских настроений историка.¹³

Официальными оппонентами на защите стали представители двух конфронтующих университетских групп гуманитариев

¹⁰ См.: Там же. С. 304. Речь идет о диссертации К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка».

¹¹ См.: Там же. С. 287–289.

¹² Там же. С. 286, 289.

¹³ См.: Там же. С. 291.

в лице М. П. Погодина (первый оппонент) и Т. Н. Грановского (второй оппонент). Кроме того, выступили неофициальные оппоненты — пять «возражателей из публики». Общий ход диспута представлен историком в несколько ироничном тоне, но с чувством полного удовлетворения от своей магистерской защиты. В описании диспута, который закончился для него «со славой», оппонирование Погодина с учетом конфликтных отношений между ними, сложившихся накануне защиты, Соловьев характеризовал как неубедительное: «...я начал опровергать возражение Погодина, что было мне очень неудобно, ибо возражение это было голословно...» Оппонентское же выступление уважаемого им Грановского он снисходительно определил как «пустое», поясняя, что «он, несчастный, вовсе не зная русской истории, обязан был возражать как официальный оппонент». Однако принципиально важным являлся сам факт признания Грановским Соловьева как незаурядного ученого, своей концепцией занявшего позицию критика славнофильских исторических построений.

Неофициальные оппоненты Соловьева относились к различным сферам гуманитарного знания того времени и занимали видное место в Московском университете. Двое из них представляли область истории права (К. Д. Кавелин, Н. В. Калачов); трое других были филологами (О. М. Бодянский, И. И. Давыдов, С. П. Шевырев). Все выступления представлены с учетом особенностей взаимоотношений этих персон: «...Бодянский, чтоб насолить Погодину, с которым он перед тем поругался, превознес мою диссертацию до небес; Кавелин заметил что-то насчет судебного значения веча; что возражал Калачов — я не понял: это уж мое несчастье — никогда не понимать Калачова; Давыдов спросил, зачем я не распространялся о значении владыки в Новгороде? Шевырев — зачем я не упомянул о Карамзине, ибо сей великий историк, как выразился ритор, усеял свою историю плодотворными мыслями, которые нам стоит только подбирать и развивать».¹⁴

Лаконичная, но колоритная зарисовка историком хода оппонирования на его диспуте фиксирует, во-первых, повышенное внимание в среде ученых Московского университета к диссертации их коллеги, во-вторых, отношение самого Соловьева к оппонентам и ас-

пектам их критики. В-третьих, нельзя не подчеркнуть увлеченное участие всех названных лиц в полемике. Именно они входили в число первых добровольных экспертов, закладывая традицию своеобразной «самодеятельности» в оценивании результатов научных усилий диссертантов-неофитов, претендовавших на вхождение в корпоративную среду ученых.

Магистерская диссертация: опыт структурирования научного текста

Создавая в 1845 г. магистерскую диссертацию «Об отношении Новгорода к Великим князьям»,¹⁵ Соловьев исходил из научной культуры своего времени, когда только формировались опыт подготовки диссертаций, традиции создания их текста, презентаций и опыт оппонирования. В нормативных документах того времени отсутствовали какие-либо требования к объему и структуре содержания диссертации. Вероятно, поэтому Соловьев не озаботился задачей структурирования диссертационного текста с помощью специальных рубрик в соответствии с тематическими сюжетами. Опуская ряд деталей анализа диссертации историка,¹⁶ определим тактику построения текста, главные идеи и выводы Соловьева в момент обретения им ученой степени магистра.

Соловьев выбрал особый способ организации содержания диссертации: он сформулировал свои задачи в виде системы актуальных проблемных аспектов исследования и распределил их по всему тексту работы. Они составили остов ее постановочной части, определив структуру диссертации и стержень авторских интерпретаций. Решения выдвинутых проблем композиционно выстраивали сюжетные линии работы, демонстрируя авторские концептуальную линию и научную методологию. Заданный алгоритм и ракурс изложения заставляли Соловьева *работать* с источниками, а не пересказывать их — то есть выявлять, систематизировать их информационный ресурс и наделять их смыслом. Уже в этом Соловьев выступил новатором.

В концептуальном отношении Соловьев доказывал историческую самобытность новгородской истории в виде вечевоего устройства, отличавшую ее от истории московской.

¹⁵ См.: Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к Великим князьям. Историческое исследование. М., 1846.

¹⁶ См. подробнее: Алеврас Н. Н. Диссертационная культура как историографический концепт // Урал. ист. вестн. 2014. № 4 (45). С. 117, 118.

¹⁴ Соловьев С. М. Мои записки... С. 293.

Текст диссертации выстроен на противопоставлении исторических традиций этих двух исторических локусов и на идее внутренней необходимости смены родовых отношений отношениями государственными. Историк как бы приглашал читателя к соучастию в его исследовании. Например, первый проблемный аспект был сформулирован через обращение к читателю: «...прежде всего мы должны определить, что такое вече, показать отношение его к власти княжеской, и потом уяснить причины существования его в Новгороде и отсутствия в Москве». Самобытной чертой новгородской истории Соловьев считал формирование древней, исходящей из системы родовых отношений, вечевого традици. В этой связи оригинальна попытка Соловьева представить типологию вечевых традиций Новгорода в виде «тroyакого рода веча».¹⁷ Она была выполнена на основе обобщения информационного ресурса летописей и актов документов.

Завершающая часть диссертации¹⁸ может рассматриваться как прообраз заключения. Резюмируя свои наблюдения, Соловьев сосредоточивал внимание на процессе постепенной утраты Великим Новгородом своей независимости. Ее основу — вечевые (родовые) традиции — он характеризовал как архаичные на фоне новых политических задач Ивана III (как главы объединительного процесса вокруг Москвы), воплощавших идею российской государственности. Апеллируя к летописным свидетельствам, Соловьев объяснял смысл завершающих политических акций Ивана III в отношении непокорных новгородцев. «Укroпление» им Новгорода, по мысли историка, являлось необходимой исторической задачей. Диссертация сопровождалась обширным научно-справочным аппаратом и документальным приложением, что подчеркивало ее академический характер.

Работа с текстами источников превращается в ведущий принцип и методологическое кредо историка. И хотя уже современники полемизировали с автором по поводу толкований отдельных явлений русской истории, они не могли не признать актуальности его позиции в выработке принципа строгого следования информации источников. Этот момент преподносился как инновация, противостоящая прежнему опыту, идущему от Н. М. Карамзи-

на. Именно поэтому К. Д. Кавелин в рецензии на магистерскую диссертацию к заслуге Соловьева относил прежде всего ее «фактическую часть»: перед читателем предстал текст «без вычур, без литературных прикрас, какими была испещрена “История” Карамзина».¹⁹

В этой связи прозвучавший в адрес историка упрек Т. Бона в том, что в своих работах «он решил предоставить слово, прежде всего, своим источникам в ущерб их анализу»,²⁰ заставляет акцентировать внимание на некоторых особенностях историографической ситуации 1840-х гг. Это был период, когда предшествующие полемические бои вокруг «Истории государства российского» потребовали от ученых прежде всего обогатить фактическую основу изучения русского исторического процесса. Выработка продуктивных исторических принципов и методов работы с источниками и создание новой концептуальной версии русской истории стали следующими его задачами.

Соловьев явился продолжателем историографической линии, ориентированной на неприемлемость авторского субъективизма, лишеного опоры на системное использование информации источников. Он одним из первых воспользовался итогами археографической экспедиции П. М. Строева, вводя в научный оборот неизвестные ранее комплексы источников — древнерусских актов и летописей. Уже первый научный опыт Соловьева позволяет полагать, что он не только выступал «главным представителем историзма в России»,²¹ но и формировался как тип историка-концептуалиста, ориентированного на строгость научного подхода и искавшего доказательную базу своим идеям в информационном ресурсе разнообразных источников.

Сотканная из большого количества обдуманных, структурированных и оцененных автором фактов, магистерская диссертация только на первый взгляд может восприниматься как фактологическое полотно. С учетом задач историографии того времени Соловьев в обеих диссертациях намеренно акцентировал внимание на выявленном документальном богатстве. Более того, он считал своим долгом пропагандировать его научную ценность. Сам факт публикации Археографической комиссией

¹⁷ Соловьев С. М. Об отношении Новгорода... С. 1.

¹⁸ См.: Там же. С. 95–99.

¹⁹ Кавелин К. Д. Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1: Монографии по русской истории. С. 254.

²⁰ Бон Т. Историзм в России? О состоянии русской исторической науки в XIX столетии // Отечественная история. 2000. № 4. С. 125.

²¹ Там же.

исторических источников он в духе своих идей рассматривал как признак «пробудившегося в обществе стремления к народному самопознанию».²²

Самооценка магистерской диссертации историка была достаточно высокой. Делая мемуарные записи уже в 1857 г., он подчеркнул: «...первая диссертация о Новгороде доставила мне ученую известность, оправдала выбор университета; Кавелин в “Отечественных записках” объявил, что она составляет эпоху в русской исторической литературе».²³

Действительно, значимы попытки Кавелина осмыслить научный опыт Соловьева с учетом историографического контекста того времени. Сравнивая его с Карамзиным и подчеркивая, что в отличие от Соловьева, тот «не искал в фактах мысли», он одновременно резюмировал, что нельзя это «ставить в вину историографу»: «он имел другую цель, другое призвание. И время было другое» (курсив наш — Н. А.).²⁴ В данном пассаже сам рецензент, солидаризировавшийся с диссертантом по многим позициям, демонстрировал тонкое понимание необходимости соблюдения определенных профессиональных принципов, если речь заходит об особенностях эпохи, в которой творил тот или иной ученый. Поэтому Кавелин поставил разделительную линию между двумя знаковыми фигурами — Карамзиным и Соловьевым, представлявшими разные эпохи и культуры в науке.

В заключительных частях рецензии Кавелин сфокусировал внимание на потенциале Соловьева-ученого: его способности своими инновационными идеями и научным подходом воздействовать на молодое научное сообщество. Именно в этой связи он определял его особое место в науке: «...его ученое призвание дает ему все средства начать новую эпоху изучения русской истории. Уже давно пора наступить этой эпохе...» (курсив наш — Н. А.).²⁵

Поднятый Кавелиным вопрос о месте Соловьева в развитии историографии оставался актуальным и для поколения историков, подготовленных на основе его научного метода. В известном мемориальном выступлении В. О. Ключевского (1879) есть сюжет об истории подготовки и защитах магистерской и докторской диссертаций его учителя. Он же

первым подчеркнул: «...русские ученые редко поднимались по лестнице ученых степеней так быстро и с таким успехом». Ключевский констатировал, что его диссертации не устарели «и доселе», то есть были актуальными и более чем через 30 лет после их защиты.²⁶

Докторская диссертация С. М. Соловьева

Вторая диссертация историка «История отношений между русскими князьями Рюрика дома» представляет собой труд гораздо более солидный по объему, характеру проблематики и уровню концептуализации исторических явлений, чем его первая диссертация. Это была 700-страничная работа с введением («Вступлением») и четкой внутренней структурой.²⁷ Для того времени такой объем являлся скорее исключением, чем правилом.²⁸ М. П. Погодин, будучи поборником небольших по объему диссертаций, взяв в руки привезенную Соловьевым книгу со свойственным ему просторечием и даже укором произнес: «Вишь, какой блин испек!»²⁹ Но на докторскую защиту историка Погодин не пришел.

Сразу после защиты магистерской работы Соловьев стал читать курс лекций по русской истории. В «Моих записках...» историк свидетельствовал, что за учебный 1845–46 г. он успел довести лекционный курс до смерти Ивана Грозного. Стратегия укрепления своего научного и карьерного статуса заставляла его работать в напряженном режиме — одновременно с лекциями разрабатывать докторскую диссертацию. Соловьев подчеркивал, что ее текст он создавал на основе материалов лекций своего учебного курса. Несомненно и то, что докторская диссертация развивала концептуальные идеи и методологические принципы его магистерской работы.

Рецензия К. Д. Кавелина на эту диссертацию позволяет добавить некоторые штрихи к картине докторского диспута. Солидаризуясь с диссертантом в понимании особенностей хода русской истории, для которой характерно «постепенное перерождение

²² См.: Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // Сочинения: в 8 т. М., 1959. Т. 7. С. 128–130.

²⁷ См.: Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 1847.

²⁸ В 1840-е гг. средний объем докторских диссертаций составлял немногим более 100 страниц, но мог существенно варьироваться. Для сравнения: диссертация харьковского историка А. П. Рославского-Петровского (1845) содержала всего 45 страниц; диссертация Т. Н. Грановского (1849) — 139; диссертация П. Е. Медовикова (1854) — 256.

²⁹ Соловьев С. М. Мои записки... С. 305.

²² Цит. по: Шаханов А. Н. Архивный труженик... С. 301.

²³ Соловьев С. М. Мои записки... С. 293.

²⁴ Кавелин К. Д. Указ. соч. С. 263.

²⁵ Там же. С. 266.

патриархальности в юридическое устройство и гражданственность»,³⁰ он высоко оценил идеи диссертанта, высказанные «в короткой, но замечательной речи, произнесенной им с кафедры перед началом публичного диспута». Кавелин сообщил, что в ней историк «ясно высказал свое отношение к предшественникам». Не детализируя этот важный момент речи, рецензент преподнес лишь суть резюмирующего историографического суждения Соловьева: «до сих пор заботились особенно о том, как разделить русскую историю, теперь надо стараться напротив соединить ее части в одно целое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное: надо воссоздать наукой живой организм русской истории, а он сам уже укажет на разделение необходимое и естественное». По мнению Кавелина, этот вывод историка («новый прием») стал основой другого его достижения: он выработал «до сих пор невиданный в русской исторической литературе... новый взгляд на древнерусскую государственную жизнь».³¹ В этом отношении «главная заслуга» Соловьева состояла в том, что он «открыл... основной движущий принцип нашей древней истории — родовое начало».³²

Сосредоточимся на «Вступлении» к диссертации.³³ Эту ее часть Кавелин оценил как «мастерское художественное произведение».³⁴ Соловьеву удалось в этой малой форме историописания изложить основной смысл концептуального видения изучаемой проблемы.

Во «Вступлении» историк подчеркнул новизну своего подхода в сравнении с предшественниками, отказавшись от понятий, характеризовавших явления древнерусской истории с позиций не принимаемой им концепции «удельной системы» и полного отказа от практики признания «монгольского периода». Раскрывая процессы взаимоотношений русских князей, основанные на исторических интригах, порожденных борьбой родовых и государственных отношений, Соловьев акцентировал свой взгляд на особенностях «приобретения собственности» княжеских территорий, обратив внимание на различия сложившихся ситуаций на юге — в «старой Руси» — и на севере, где шел интенсивный процесс формирования Московского

княжества. На юге — начальном истоке русской истории — процессы распада одних родов общей линии Рюриковичей порождали в силу «нераздельности родовой собственности» формирование новых родовых кланов представителей династии. Иную ситуацию Соловьев фиксировал на севере: здесь не сложилось условий для возобновления родов, поскольку княжеские владения опирались на иной принцип — «отдельной собственности».³⁵

Сам по себе факт апелляции к понятию собственность как к основе пересмотра социальной природы отношений, сложившихся в среде князей династии Рюриковичей, и к новой интерпретации смысла взаимоотношений южных и северо-восточных князей, несомненно, характеризует молодого Соловьева как ученого новой генерации. Этот подход он подкреплял важнейшим теоретико-методологическим постулатом — необходимостью соблюдения «естественной связи событий, естественного развития общества из самого себя»,³⁶ — провозглашенным во вводной части диссертации. Данной концептуальной версией, новыми принципами и исторической лексикой он открывал начало перехода русской историографии к современности с соответствующими обоснованиями научных конвенций и принципов историко-научного профессионализма.

Вводная часть диссертации завершается периодизацией русского исторического процесса.³⁷ Памятуя, что Соловьев намечал выработку новых принципов выявления и идентификации исторических эпох, можно полагать, что представленная темпоральная система рассматривалась им как результирующий опыт хронологизации русской истории, соответствовавший «естественным» и «необходимым» свойствам различных периодов, сменяющих друг друга.

В «Моих записках» Соловьев, не погружаясь в детали докторского диспута, лишь заметил, что «защищал докторскую диссертацию так же славно и с честью, как и прежнюю, магистерскую». Не прошел он мимо факта хвалебных рецензий К. Д. Кавелина в адрес этой диссертации, опубликованных в «Отечественных записках» и в «Современнике», не акцентируя, впрочем, внимания на критических аспектах его оценки.³⁸

³⁰ Кавелин К. Д. Указ. соч. С. 281.

³¹ Там же. С. 282.

³² Там же. С. 294.

³³ См.: Соловьев С. М. История отношений... С. I–X.

³⁴ Кавелин К. Д. Указ. соч. С. 295.

³⁵ Соловьев С. История отношений... С. III–VI.

³⁶ Там же. С. IX.

³⁷ См.: Там же. С. X.

³⁸ См.: Он же. Мои записки... С. 305.

Протокольный абрис докторского диспута

Сохранился официальный протокол защиты докторской диссертации историка. Этот документ вошел в состав коллекции протоколов диссертационных диспутов московских историков 1840–1850-х гг. Докторская защита Соловьева в 1847 г. открывала череду последовавших после нее докторских диспутов: И. В. Вернадского (1849), Т. Н. Грановского (1849), И. К. Бабста (1852), П. Е. Медовикова (1854).³⁹

Официальные протоколы этого времени отличались традицией фиксировать всех значимых персон, участвовавших в диспуте, обязательно отмечались факты выступлений участников полемики, прежде всего официальных и неофициальных оппонентов. Протоколы, хотя не содержали текстов выступлений диспутантов, но фиксировали итоговую оценку достоинств соискателей ученых степеней. По Положению 1844 г., докторская защита осуществлялась в два этапа. Первый являлся предварительным: он должен был свидетельствовать о готовности соискателя к защите, что фиксировалось в протоколе обобщающей оценкой этого этапа защиты. Далее соискатель докторства должен был пройти экзаменационные испытания. Только после этого назначался день заключительной защиты.

В случае Соловьева предварительная защита диссертации состоялась 5 апреля 1847 г. Значимым моментом этого этапа диспута являлся факт присутствия на нем высокопоставленных особ — попечителя Московского учебного округа и покровителя историка графа С. Г. Строганова, а также его помощника Д. П. Голохвастова.⁴⁰ На этом этапе осуществлялось и оппонирование — оно было также предварительным. Оппонентом на этом этапе защиты стал Т. Н. Грановский. С «возражениями», кроме того, выступили и другие видные представители 1-го отделения философского факультета, оставившие заметный след в истории Московского университета: А. И. Чивилев, А. И. Меншиков, С. П. Шевырев, О. М. Бодянский. В полемике репетиционного

этапа диспута «деятельное участие» принял и Д. П. Голохвастов.

Итоговое заключение протокола гласило, что на все «возражения» Соловьев «отвечал совершенно удовлетворительно и показал, как самостоятельность труда своего, так и глубокое всестороннее знание предмета».⁴¹ Судя по присутствию на диспуте статусных персон и проявленной активности участников обсуждения диссертации, этому предварительному этапу докторских защит придавалось существенное значение.

Заключительный акт защиты Соловьева прошел 9 июня того же года.⁴² Официальный диспут историка выглядел скромнее по представительству. На нем присутствовал ректор университета, которым был Д. М. Перевощиков (с ним у Соловьева сложатся конфликтные отношения), а также представители совета университета — доктора права, ординарные профессора Ф. К. Морозкин и В. Н. Лешков.

Главными действующими лицами диспута после самого диссертанта становились его официальные оппоненты. На докторской защите Соловьева первым из них выступал Т. Н. Грановский, вторым — О. М. Бодянский. Неофициальными оппонентами пожелали стать давний друг и единомышленник в разработке концепции русской истории, его постоянный рецензент Д. К. Кавелин, а также доктор права, впоследствии избранный на пост ректора Московского университета, С. И. Баршев. Протокол лаконично зафиксировал, что кроме названных персон в диспуте принимали участие «посторонние лица». Эта ремарка подчеркивает факт реализации принципа публичности диспутов. В протоколе резюмировалось, что «Соловьев защитил свое рассуждение с совершенным успехом».⁴³

Диссертационный опыт Соловьева стал во многом образцовым как для своего времени, так и для последующих поколений историков. Как в 1845–1847 гг. Соловьев-диссертант был устремлен к обновлению историко-научного знания, так и в 1892 г. его далекий последователь по научной одухотворенности в период работы над диссертацией П. Н. Милюков подчеркнет, что своей диссертацией он «готовил вклад в науку, открывал новые пути».⁴⁴

³⁹ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1145. Л. 165–170об., 196–198об., 203–205об., 338–341, 362–377.

⁴⁰ Вскоре после защиты Соловьева — в ноябре 1847 г. Строганов уйдет со своего поста, а его место займет Д. П. Голохвастов, к личности которого историк относился критически. В то же время он упомянул высказанную Голохвастовым высокую оценку его докторской диссертации. См.: Соловьев С. М. Мои записки... С. 254–256, 307.

⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1145. Л. 165–165об.

⁴² Там же. Л. 170–170об.

⁴³ Там же. Л. 170об.

⁴⁴ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 107.

Протягивая нить «связи времен» в истории историографии, целесообразно с позиции современного ретроспективного взгляда акцентировать внимание на вопросе о значении диссертационного опыта Соловьева. Уже в молодые годы он одним из первых осознал потребность в коренных переменах в методологии истории. Диссертации историка были подчинены задачам научной реформации и демонстрировали реализацию назревшего перехода к новым принципам выработки исторического знания. Из «неприкосновенного запаса» ценностей его опыта можно вынести убеждение в том, что во все времена диссер-

тация как вид научного произведения должна не только аккумулировать современные методологические практики, но и предлагать научному сообществу инновационные идеи и принципы в области получения нового знания. Неслучайно Соловьев — один из немногих — сумел приобрести у современников статус научного лидера сразу после защит своих диссертаций. Они позволили ему выработать и предложить формирующемуся научному сообществу ученых-историков новую модель концептуализации российской истории, методологические возможности историко-научного знания, правила и нормы профессии историка.

Natalia N. Alevras

Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: vhist@mail.ru

S. M. SOLOVYOV IN THE HISTORY OF RUSSIAN DISSERTATION CULTURE ESTABLISHMENT: THE SECOND HALF OF THE 1840s

The author focuses on the academic activities of S. M. Solovyov during the dissertation defense procedures of 1845–1847 that became a basis of his academic biography and contributed to the development of historical knowledge. The historian is considered as significant in the establishment of the dissertation system/culture in Russian universities. Solovyov was an activist in this new locus of the university space. Inspired by G. W. F. Hegel's philosophic ideas and J. P. G. Ewers's experience of reinterpreting the Old Russian history, he was the first to articulate novel conceptual ideas concerning the development and the meaning of Russian historical process in his dissertations. He also presented his system of methodological bases of research practice. His drastic conquest of historical academic Olympus became a logical conclusion for one of the stages in the history of historiography of the late 1810s — early 1840s, characterized by a famous debate around N. M. Karamzin's "History" and by a phenomenon of academic authoritarianism. The young Solovyov felt that the methodological frameworks proposed by his grand predecessors (M. P. Pogodin, N. G. Ustryalov) for the interpretation of the specificities of Russia's history were too narrow and irrelevant. Solovyov in the 1840s looks like a reformist researcher aiming at the reviewing of ideas, principles, and methods of studying the history of Russia.

Keywords: *dissertation culture, dissertation dispute, dissertation, history of historiography, Moscow University, Russian history department, concept and methodology of S. M. Solovyov*

REFERENCES

- Alevras N. N. [Dissertation culture as an historiographic concept]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 4 (45), pp. 111–120. (in Russ.).
- Alevras N. N. [Status of dissertation and normative bases of opponency in Russian legislation of the 19th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2017, iss. 3 (38), pp. 37–47. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-3-37-47 (in Russ.).
- Bedretdinova L. N. *Nachal'nyy period nauchnoy deyatel'nosti S. M. Solov'yeva: 40–50-ye gg. XIX veka: kand. diss.* [The initial period of S. M. Soloviev's scientific activity: 40–50s of the 19th century: Diss. Cand.]. Moscow, 2006. (in Russ.).
- Bon T. [Historicism in Russia? On the condition of Russian historical science in the 19th century]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2000, no. 4, pp. 121–128. (in Russ.).
- Malovichko S. I. [The national-state narrative in the structure of various kinds of national history of the long Nineteenth century]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2016, iss. 54, pp. 83–119. (in Russ.).
- Shakhanov A. N. [Archive worker S. M. Solovyov]. *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1995 g.* [Archaeographic Yearbook for 1995]. Moscow: Nauka Publ., 1997, pp. 301–308. (in Russ.).
- Shakhanov A. N. *Russkaya istoricheskaya nauka vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka: Moskovskiy i Peterburgskiy universitety* [Russian historical science of the second half of the 19th — early 20th centuries: Moscow and Saint Petersburg universities]. Moscow: Nauka Publ., 2003. (in Russ.).